

Медиа философии, философия медиа

Перевод с немецкого

Ильи Инишева.

Публикуется с любезного
разрешения автора.

Фридрих Киттлер

Фридрих Киттлер (1943–2011). Германист, историк медиа, теоретик электронных медиа, многолетний директор Центра культур-техники им. Германа фон Гельмгольца (HZK) Берлинского университета им. Вильгельма фон Гумбольдта, Берлин.

Ключевые слова: философия медиа; история медиа; медиатеоретические условия философии; книга; Фома Аквинский; Гегель; машина Тьюринга.

Статья самого авторитетного и именитого европейского медиатеоретика современности посвящена проблеме научного стату-

4595254МЫ0ПРЕКРАСНО0ЗНАЕМ,
50КОНЕЧНО,0ЧТО0МАШИНА0ЭТА
29445НЕ0ДУМАЕТ.0ЭТО0МЫ0ЕЕ
8833СДЕЛАЛИ,0И0ДУМАЕТ0ОНА
2ТОЛЬКО0ТО,0ЧТО0ЕЙ0СКАЖУТ.
9НО0ЕСЛИ0НЕ0ДУМАЕТ0МАШИНА,
4ТО0ЯСНО,0ЧТО,0ОПРЕДЕЛВЯ
64407МЫСЛЕННО0ТУ0ИЛИ0ИНУЮ
2ОПЕРАЦИЮ,0НЕ0ДУМАЕМ0И0МЫ
3САМИ.0ВЕДЬ0МЫ0ПОЛЬЗУЕМСЯ
2135140ДЛЯ0МЫШЛЕНИЯ0ТОЧНО
253688ТЕМИ0ЖЕ0МЕХАНИЗМАМИ,
7172685396452ЧТО0И0МАШИНА.
6883652442142647568499418
4388306133567979ЖАКО0ЛАКАН¹
6883652442142647568499418
4333596988866465345747197
1096009912428282082921534
4648941759525471262022071
3952273054299605653296027
3291987491294455678695368
5184136802975891933203513
9058443883061335679799431
9461367884079224841415304
1164891593883887931814732
1813558669494772119325368
8945629527446071214642623

Трудности, с какими сталкивается философия медиа, которую нельзя считать абсолютно излишней в нынешних высокотехнологичных условиях, восходят, вероятно, к медиа самой философии. Среди так называемых гуманитарных наук философия отличается наименьшим интересом к техническим предпосылкам собственного существования. В основании этого упущения лежало и лежит, по всей видимости, понятие о по-

1. Лакан Ж. Психоанализ и кибернетика, или О природе языка // Он же. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинар. Кн. II. 1954/1955. М.: Гнозис, Логос, 2009. С. 428.

са философии медиа. Фридрих Киттлер, всегда критиковавший самостоятельное значение подобной дисциплины, задается вопросом о ее обосновании как инверсии истории переменчивых медиатехнических условий, сделавших ее возможной. Киттлер подвергает принципиальной критике невнимание традиционной философии к техническим условиям своего происхождения, говоря о том, что понятие общей философии, скорее всего, является омонимом, а говорить следует о множестве философий медиа различных эпох и цивилизаций. Он сравнивает в этом ключе два знаменитых философских сочинения — «Сумму теологии» Фомы Аквинского и «Феноменологию духа» Гегеля, показывая, чем они обязаны современным им медиа на уровне «чисто» философских положений: понимания истины, самой философской структуры текстов, причем независимо от их самопонимания.

Привлекая целый ряд убедительных примеров из истории религии, философии, науки, языкознания, Киттлер показывает, как история письменности, книгопечатания и т. д. определяет трансформацию философского знания в истории — не только жанры и формы философских текстов, но и их более существенные характеристики, такие как комментаторский или мнемонический характер соответствующих текстов. Например, он демонстрирует, как «гегелевская медиатехника заранее практиковала тройственный буквальный смысл снятия (*Aufheben*) задолго до того, как он был открыт в его философии». Ту же самую логику Киттлер усматривает и в отношении режима знания в условиях современных медиа, в которых оно может и не осознаваться, но быть «снятым». Это объясняет, с его точки зрения, разрыв между медиафилософией и философией самих медиа.

нению, которое не столько производит операции, сколько требует понимания.

Понадобился целый лингвистический поворот, чтобы это понятие вновь привести в связь с разговорными языками, на забвении каковой основывалась его автаркия. Потребовались долгие дебаты — от Хэвлока до Деррида — об устности и письменности, прежде всего у Платона, дабы взглянуть на эти языки и как на исторически изменчивые носители информации. Однако известная со времен Ницше догадка, что литература и философии имеют общие греческие истоки, так и не вылилась в философско-исторические исследования, которые бы обратили внимание на такой медиум, как книга, в его переменчивом техническом оснащении. Поэтому открытым остается вопрос, не следует ли признать единое понятие философии всего лишь омонимом, высокомерно игнорирующим все различия между диалогами, суммами и системами или, выражаясь более техническим языком, между античным свитком, средневековым кодексом и современным книгопечатанием.

И все же посредством подобных технических различий можно установить, какие аргументы и доказательства, какие цитаты

и документы находились в распоряжении данной эпохи. Прежде чем речь пойдет о транзисторных микросхемах как технических счетных жетонах современности, я бы хотел проиллюстрировать сказанное на двух блестящих примерах: «Сумме теологии» и «Феноменологии духа».

1

То, что святой Фома был первым философом, чей автограф дошел до нас, видимо, имеет мало значения. То, что его письменный стол нуждался в полукруглой выемке, дабы обеспечить перу свободу движения от живота к бумаге, — среди философов факт, скорее всего, еще менее важный.

Однако не следует сомневаться в том, что без той великой реформы письма, которую Иван Иллич датировал XII веком², философии типа «Суммы теологии» были бы решительно невозможны. С появлением пропусков между словами, абзацев между параграфами и заголовков между главами в то время в парижских монастырях и кафедральных школах начала складываться совершенно новая организация страницы: она отъединила книги от потока речи и тем самым предоставила возможность для отделения истинного от ложного в старых, лишенных членения книгах.

В соответствии с этим каждая глава «Суммы теологии» представляет собой вопрос об истине некоего переданного философией или теологией тезиса. Каждая глава начинается с пронумерованных цитат, приводящих авторитетные доказательства для данного утверждения, однако в *Sed Contra* добавляется не менее авторитетная цитата, которая этому тезису противоречит. Но еще до того, как Фома Аквинский стал разрешать это противоречие в пределах основной части каждой главы и комментировать цитаты на предмет общего им смысла в также пронумерованной заключительной части³, технические предпосылки его «Суммы» были уже очевидны. Во-первых, все не-

2. Ср.: *Illich I. Im Weinberg des Textes. Als das Schriftbild der Moderne entstand. Ein Kommentar zu Hugos Didascalicon. Fr. a. M.: C. H. Beck, 1991. S. 110–133.* Остается, конечно, сожалеть, что, хотя Иллич демонстрирует материальное богатство старинных *scriptura continuata* Гуго Сен-Викторского, на новшество содержательно и/или по алфавиту структурированной книжной страницы он разве что только ссылается.

3. К понятию *sensus* у Фомы ср. прежде всего: *Aquinas Th. Summa theologiae. I, I, a. 10.*

обходимые рукописи необходимо собрать вокруг стола философа (что в 1260 году не было чем-то само собой разумеющимся). Во-вторых, каждая из этих рукописей должна быть в виде пронумерованного кодекса, а не свитка, дабы обеспечить возможность перелистывания страниц и быстрой ориентации в ней. Потому что, как остроумно заметил Алан Тьюринг, основоположник компьютерных технологий,

... на прокручивание при поиске ссылок требуется отдельное время, так что, вне всяких сомнений, следует предпочесть современную организацию текста в книгах, которые можно раскрыть на любой странице⁴.

Таким образом, «Сумма теологии» представляла собой исторически достаточно точно датируемую программу обработки текстов: из двух потоков входных данных — теологического потока отцов Церкви и философского потока «Философа», то есть Аристотеля, — на выходе получилась христианская философия, высмеянная Хайдеггером как «деревянное железо». От нынешних программ по обработке текстов, установленных на каждом компьютере, она отличается лишь мелкой деталью. «Сумме» недостает той буквы, которая и не буква вовсе, или, выражаясь по-гречески, того элемента, в котором философы до Ницше чувствовали себя столь⁵ комфортно, что они на него не обращали никакого внимания, — кавычек. Как раз потому, что христианская философия была далека от того, чтобы позволить себе хотя бы прикоснуться к изречениям Библии, философа или отцов Церкви, расчленение этих изречений на отдельные синтагмы или даже слова составляло проблему. Вместо кавычек, между которыми со времени Ницше помещались все отдельные слова, а со времен Деррида даже все отдельные буквы критикуемых текстов, у схоластики было только одно вспомогательное средство, которое, однако, уже само по себе помещало ее текст за пределы классической латыни.

На трудный вопрос об истине переданного традицией высказывания о том, что отец и сын составляют единый принцип святого духа, святой Фома способен ответить лишь путем извлечения отдельного слова «принцип» из взаимосвязи высказывания

4. *Turing A. The State of the Art//Idem. Intelligence Service: Ausgewählte Schriften/B. Dotzler, F. Kittler (Hg.). B.: Brinkmann & Bose, 1986. S. 187.*

5. Ср.: *Blondel E. Les guillemets de Nietzsche: philologie et généalogie// Nietzsche aujourd'hui. P. : Editions Hermann, 1973. T. II. P. 153–182.*

и последующего анализа его подстановки, то есть его словесных связей. Ответ в таком случае гласит: либо то, что я называю принципом — *hoc quod dico principium*, — не имеет определенного референта (*Bezug*), но только запутанный референт, отсылающий одновременно сразу к двум лицам Троицы, либо тот же самый ответ оказывается намного короче и удивительней, будучи сформулированным в одной фразе *ly principium supponit confuse et indistincte pro duabis personis simul*⁶.

Как раз на том месте, где должны были быть кавычки, отсутствующие в репертуаре символов, доступных в XIII веке, в самом латинском тексте находится инородное тело: просторечный определенный артикль, старофранцузское *ly*. «И не удивительно», — замечает касательно этого авторитетная догматическая история. «Словечко *ly*, замещающее неизвестный в классической латыни артикль», пришло «в теологическую аудиторию с парижских улиц и смогло настолько утвердиться, что вытеснило ломбардское *lo*»⁷. Однако, во-первых, принципы вполне обходятся без определенного артикля, во-вторых, *ly principium* означает не «конкретный принцип» (*das Prinzip*), а *hoc quod dico principium*, что, в-третьих, вопреки Святому Фоме представляет собой не устный акт, а письменный. Следовательно, в-четвертых, *ly* перекочевало не с улиц в аудитории Сорбонны, а из уст просторечных студентов в суммы их учителей. Там оно обосновывало, — что было так или иначе в духе номинализма, — технику подстановки или даже экспликации словесной референции (*Wortbezug*); без этой техники цитирования отдельных слов как таковых, вероятно, обходилась античная философия.

Стало быть, тезис, согласно которому слова представляют собой счетные жетоны, зиждется на твердых исторических предпосылках. Во-первых, он предполагает, что слова вообще могут отделяться от соседствующих с ними слов. С 1150 года, и именно с 1150 года, это стало возможным благодаря пробелам, пришедшим на смену стародавней *scriptura continuata*. Во-вторых, он предполагает, что слова могут лишь упоминаться без того, чтобы простое упоминание было уже и их употреблением. С 1220 года такая возможность обеспечивается артиклем, «который еще не встречался на всем протяжении XII столетия» (по словам

6. «...начало» подразумевает одновременно два лица, смутно и неразлично» (*Aquinas Th. Op. cit. I, 36, a. 4*).

7. *Landgraf A. M. Dogmengeschichte der Frühscholastik. T. I: Die Gnadenelehre. Regensburg: Friedrich Pustet, 1952, S. 21–24.*

Ландграфа)⁸, а теперь систематически становится объектом злоупотреблений.

Таким образом, Европа практически одновременно импортировала позиционную систему счисления и разработала не менее значимую технику адресации для последовательностей букв. То обстоятельство, что «Сумма теологии» проверяемые ею аргументы, во-первых, цитирует в соответствии с книжными главами, во-вторых, нумерует в последовательности их обсуждения и, в-третьих, разлагает на множество цитируемых отдельных слов, едва ли можно проигнорировать как какую-то медиатехническую формальность. Куда более вероятно, что оно определяет ее философскую структуру.

2

Уже только поэтому напрашивается предположение, что медиатехнический переход от рукописного шрифта к книгопечатанию изменил и структуру философских книг. Они, конечно, не перестали быть книгами о других книгах и из других книг, однако чтение и письмо уже не совпадают между собой в один и тот же момент за письменным столом. После того как культурная память материализовалась и умножилась в печатных изданиях, процесс письма с необходимостью переходит от комментария к воспоминанию (в гегелевском смысле слова). В этой функции медиатехнические операции письма остаются по большей части невидимыми, разве что их сохранит счастливая случайность.

В случае Гегеля, которому даже довелось слышать многозначительную с мнемотехнической точки зрения фамилию Розенкранц (*Rosenkranz*), такая случайность произвела биографию философа, неспроста фигурировавшую в содержании последнего тома первого собрания сочинений. Непосредственное ознакомление с документами как раз позволило Розенкранцу описать процесс получения образования штутгартским гимназистом Георгом Фридрихом Вильгельмом Гегелем как медиатехнику. В самом начале биографии говорится:

В своем чтении он практиковал следующий подход к изучаемым текстам. Все, что казалось ему достойным внимания (а что ему таковым не казалось!), он записывал на отдельном листе, обозначавшемся им сверху некоторой общей рубрикой, под которую следовало подвести определенное содержание.

8. *Landgraf A. M.* Op. cit. S. 21.

Затем по середине верхнего края он писал заглавными буквами, нередко готическим шрифтом, ключевое слово статьи. Сами эти листы Гегель располагал по алфавиту и благодаря этому простому приспособлению имел возможность в любой момент воспользоваться своими выписками. При каждом переезде он всегда брал с собой эти инкунабулы своего образования. Часть из них хранится в папках, часть — в раздвижных футлярах, на обратной стороне которых наклеены ориентирующие этикетки⁹.

Таким образом, начинающий философ задолго до того, как приступить к написанию книг, выступает в роли читателя, для которого любое печатное слово незамедлительно превращается в рукописные выдержки.

Переписывание было превосходнейшим средством, которое [Гегель] использовал на протяжении всей его жизни. Трудно представить, сколько всего ему удалось усвоить таким способом, и с трудом можно понять, как ему удалось найти для этого время, притом что он никогда не отгораживался от общества¹⁰.

Но в то время, как в эпоху рукописного текста переписывание было делом монахов-копировщиков, создававших таким способом книги¹¹, в эпоху книгопечатания оно становится делом гимназиста, который теперь делает частные выписки и тем самым «усваивает» для своей философии безграничное знание библиотек. Иначе, нежели в схоластике, гегелевские выписки, эти «инкунабулы», то есть первопечатные книги его образования, не составляют пронумерованной последовательности мест или цитат; каждый раз они переводят целую книгу в отдельные листы бумаги, которые удобно впоследствии перелистывать. Порядок страниц и глав, из которых возникают выписки, исчезает ради его собственного порядка, который Гегель учреждает посредством независимой, а именно алфавитной, нумерации.

Рубрики на каждой отдельной странице — это первая ступень, этикетки на каждом собрании выписок — вторая ступень классификации (*Subsumtion*), обобщающая все особенные содержания в их адреса. Но тем самым гегелевская медиатехника всегда уже практиковала тройственный буквальный смысл снятия

9. *Rosenkranz K.* Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Leben. В.: Duncker und Humblot, 1844. S. 12.

10. *Ibid.* S. 12.

11. См., напр.: *Mainberger S.* Schriftskepsis: von Philosophen, Mönchen, Buchhaltern, Kaligraphen. München: Wilhelm Fink, 1995. S. 43–52.

(*Aufheben*) задолго до того, как он был открыт в его философии. В соответствии с дословным смыслом разобранные на выписки книги уничтожены, согласно смыслу сохранены, а по духу сняты, усвоены или запомнены. Поэтому-то Гегель «при каждом переезде» от Штутгарта до Берлина «всегда брал с собой» не сами книги, а выписки из них. В эпоху книгопечатания философам уже попросту не подобает, как уже отмечал Фихте, еще раз «устанавливать» в лекциях или учебниках давно напечатанное знание¹². Лишь после его тройного снятия знание других может стать собственным знанием, собственной научной системой, систематическим учебником.

Как раз это и делает, как следует из предисловия, гегелевская «Феноменология духа». На вопрос, давший название книге (как появляется знание?), дается ответ, понимающий это появление именно в буквальном значении, связанном с техникой книги. Согласно Гегелю, философская книга, говоря кратко, не должна содержать ни математических формул, ни вразумительных таблиц. Конечно, и «Феноменология» организует свои главы и подразделы в нисходящем порядке по латинским заглавным буквам, римским цифрам, латинским строчным буквам и т.д. Однако «живая суть дела» запрещает ей превращать эти рубрики и этикетки в метод. В предисловии сказано:

Результат этого метода приклеивания ко всему небесному и земному, ко всем природным и духовным формам парных определений всеобщей схемы и раскладывания всего по полочкам есть не что иное, как ясное, как солнце, сообщение об организме Вселенной, то есть некая таблица, уподобляющаяся скелету с наклеенными ярлыками или ряду закрытых ящичков с прикрепленными к ним этикетками в бакалейной лавке, — таблица, столь же понятная, как этот скелет и эти ящички, упустившая или утаившая живую суть дела так же, как в первом случае с костей удалены плоть и кровь, а во втором — такие же мертвые вещи именно и запрятаны в ящиках¹³.

12. «После того как уже не существует ни одной области науки, по которой не наличествовал бы даже избыток книг, мы все-таки считаем себя обязанными еще раз пропускать всю эту книжную мудрость мира через университеты и как раз то самое, что в напечатанном виде предстает взору каждого, позволять пересказывать еще и профессорам» (*Fichte J. G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt // Sämtliche Werke. Bd. VIII / I. H. Fichte (Hs.). B.: Veit und comp., 1845. S. 98*).

13. *Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 32.*

Другими словами, процесс возникновения «Феноменологии духа» столь глубоко сокрыт в ее основании, что она оставляет его на осмеяние читателям. Достаточно только заменить таблицу с наклеенными ярлыками на выписку с тематической рубрикацией и ящик из бакалейной лавки с прикрепленной к нему этикеткой на раздвижные чехлы «с прикрепленными к ним этикетками»¹⁴, как в самом тексте будет вновь найдена производящая его медиатехника. Гегелевские выписки, едва исполнив свой долг и произведя на свет новую философскую книгу, оказались в ней сняты, потому что, хотя эта книга вносит вклад в обнаружение исторических проявлений духа, а значит, цитирует, в ней нет и дюжины сносок — и никаких кавычек.

Это исчезновение маркировок, характерных для техники книги, означает для читателей, что им придется самостоятельно раскрыть и реконструировать устройство книги. Схема (*Schema*), которая, согласно гегелевской изящной игре слов, стала призраком, оставляет им лишь такой выбор: «многое... перечитывать несколько раз» до тех пор, пока и от «философских сочинений» не отступит «непонятность», в которой их так часто упрекают¹⁵. Потому что лишь в шлейфе обратной связи по имени «повторное чтение» спекулятивные положения вновь обретают те значения, маркирование которых философским автором систематически уничтожается.

3

Два примера — католического святого и прусского профессора, — вероятно, смогли пояснить, что и философы, абсолютно вне зависимости от их самопонимания, подчинялись переменчивым медиатехническим условиям. Вполне возможно и даже желательно сделать набросок подобной медиаистории философии, дабы тем самым проложить дорогу ее инверсии, то есть философии медиа. Поставленный Мишелем Фуко вопрос об устройстве знания, которое в конкретные эпохи подчинялось всякий раз сменяющимся правилам переводимости, преобразования и соединения, можно было бы переформулировать с технической позитивностью. В конце этого предприятия, — выражаясь словами Гегеля, и против него — могло бы находиться положение, что философское «познавание не есть орудие нашей деятельно-

14. Там же.

15. Там же. С. 39.

сти, а как бы пассивная среда (*Medium*), сквозь которую проникает к нам свет истины»¹⁶.

Однако до тех пор, пока эмпирией данной медиальности была книга, а метафорой — солнечный свет, она не нуждалась в собственной теории. Символическое действие в науке и практике, в философии и математике всегда сводилось к письму. И если это письмо вдобавок выдвигало претензию на философию, то уже в своей медиатехнике оно превосходило устности, выступавшие у Гегеля в качестве форм духа точно так же, как оно превосходило пергаменты, которые у святого Фомы выступали в качестве учений язычников. Можно было произвольно сохранить, переложить и переработать их все лишь потому, что потустороннего для книги не существовало.

Ситуация изменилась. Универсальная дискретная машина, как Тьюринг называл свою компьютерную принципиальную схему, сегодня предшествует любому письму и познанию. Из ее необходимой, а именно встроенной (*versenkt*) в *hardware*, дифференциации данных, адресов и операций еще происходят понятия, исходя из которых философии прошлого вообще поддаются анализу в качестве медиатехник. Бумагоделательная машина под названием «книга» (говоря на языке Тьюринга) превратилась в подмножество машин, которые сами пишут и читают. Если книги в отношении слов, из которых они состоят, располагают лишь двумя возможностями (использования и цитирования), то биты и байты, из которых созданы программы, функционируют не только как данные или адреса, но и как приказы. На этом основывается власть, которая старается разыскать себе подобную в традиционной письменности.

Пример из кода *Intel*¹⁷: бинарные числа, такие как, например, 1111110, не просто замещают мультипликацию, подобно тому как знак замещает свое значение; они, скорее, едва будучи прочитанными, запускают алгоритм фактической мультипликации. Подобные встроенные императивы делают возможным перенесение на автоматы всех операций, которые философские книги выполняли некогда в отношении уже данных речей и сочинений. От сканера, собирающего данные, через синтаксический анализатор, который их артикулирует, до компилятора, преобразующего, наконец, входные данные в подлежащие исполне-

16. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. С. 45.

17. См.: Intel486 Microprocessor Family Programmer's Reference Journal. Santa Clara, CA: Intel, 1992. P. 25–218.

нию приказы, — повсюду знаки преобразуются в операции над знаками. На место характерного для техники книги дуализма чтения и письма заступают три шага: «чтение, письмо, выполнение»¹⁸. Лейбницевская формулировка, согласно которой мышление «означает не что иное, как соединение и замещение букв», становится техническим происшествием (*Ereignis*).

Вопрос только в том, остается ли еще это техническое происшествие мыслимым философски. Конечно, оно поддается описанию. Однако оно не может ни комментироваться в книгах, ни быть в них снятым. Универсальная дискретная машина в столь значительной степени и столь просто совпадает с ее «полным описанием»¹⁹, что истины более высокого порядка касательно ее в прямом смысле слова исключены. Если все технические медиа, задолго до того как удостоиться философии техники, уже в качестве таковых имплементировали подмножества теорий (например, физиологию чувств или электромагнетизм), компьютеры продолжили эту тенденцию до таких пределов, что теория и машина, *software* и *hardware*, становятся взаимозаменяемыми. Об это обстоятельство разбиваются как привычные, так и новые теории, сводящие компьютер к инструменту или человеческому протезу.

В то время как знаменитый молоток из «Бытия и времени» позволял впрячь себя в целостности имени дела с чем-либо, высшая из которых сводилась к тому-ради-чего вот-бытия, компьютерные архитектуры и операционные системы насмежаются над любой подобной финализацией. Они, в конце концов, не для того существуют, чтобы на определенный ввод данных отвечать определенным выводом данных. Они (как и любая система связи в буквальном значении Шеннона) должны быть в состоянии справиться с любым вводом данных. Перед лицом этой нередуцируемой комплексности возможным теориям, по всей видимости, остается только воспроизвести хайдеггеровскую позднюю самокритику по отношению к своему примеру с молотком, а это значит — исходить из того, что технические операции как таковые, а именно «извлечение, переработка, накопление, распределение, преобразование», сами по себе уже представляют собой «виды выведения из потаенности»²⁰.

18. Coy W. Aufbau und Arbeitsweise von Rechenanlagen. Braunschweig-Wiesbaden: Vieweg+Teubner, 1992. S. 289.

19. Turing A. Über berechenbare Zahlen mit einer Anwendung auf das Entscheidungsproblem // Intelligence Service. S. 30.

20. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Он же. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 227.

Философия, которая бы последовала такому предписанию, натолкнулась бы на ту же парадоксальность, с какой встрети-лась современная физика. Она бы нашла в технике свою вто-рую природу. Как разъяснил Петер Миттельштэдт (Peter Mit- telstädt), ни один физик-экспериментатор не может больше утверждать, что трансцендентальная апперцепция (как пола- гали некогда во времена зарождения физикализма) синтези- ровала содержания ощущения собственными силами в гипоте- зах или законах. Напротив, все данные физических измерений попадают сначала в интерфейс компьютера, который должен их оцифровать и статистически обработать, прежде чем в игру вступит зрительное восприятие, сводящееся к простому чте- нию чисел. Таким образом, физика становится зависимой пере-менной от машин, которые, хотя и возникли из физики твердого тела подобно кремниевому *hardware*, моделируют сферу знания всеобъемлющим образом подобно *software*.

Соответственно, философия, которая всерьез принимает ком- пьютер в качестве универсального медиума, не может уже ис- ходить из того, что познание, методическую оптимизацию ко- торого она собой представляет, располагается принципиально в людях или субъектах. Это комфортное допущение, правда, по- стоянно предоставляло самой философии право последнего сло- ва попросту потому, что она имела в своем распоряжении более комплексную медиатехнику. Однако оно слишком поверхностно с тех пор, как деонтика оказалась вобрана в процедурные языки программирования, такие как C, а логика — в функциональные языки вроде Lisp. Самое позднее со времен появления разработ- чиков программного обеспечения — «прежде чем они начинают говорить о программировании, весьма охотно распространяются на тему взгляда на мир»²¹ — у философов были все основания пе- ренести свой проверенный аналитический инструментарий для выработки воззрения на эту новую разновидность медиа.

Даже в качестве имплементированного знания *hard- ware*-архитектуры и *software*-иерархии не перестают быть кон- тингентными. Во-первых, они принципиально представляют собой временные состояния, которые при попытке устранить ошибки своих предшествующих версий вводят новые ошибки. Во-вторых, их можно протестировать или «верифицировать»

21. Pflüger J. Über die Verschiedenheit des maschinellen Sprachgebrauchs// Computer als Medium / N. Bolz, Fr. Kittler, Ch. Tholen (Hg.). München: 1994. S. 173.

лишь на *hardware* или *software*, которые сами поражены ошибками²². Наконец, в-третьих, они, как прежде всего доказывает сорокалетняя история интерфейсов «человек–машина», шаг за шагом эксплуатируют исторические (и уже только поэтому контингентные) модели, которые медиум «книга» навязала техникам знания, поиска и упорядочения. Тезис Хайдеггера, согласно которому в компьютерной технике метафизика находит завершение и смерть²³, пожалуй, можно было бы верифицировать этой небольшой медиатеоретической модификацией.

Но метафизика означает также, что эта техника любит скрываться. Едва ли по-другому, нежели философии, завуалировавшие свою медиальность, компьютерная техника принципиально обнаруживает себя как *software*. Другими словами, она подпитывает видимость, будто ее имплементация в *hardware* абсолютно неважна, и уже вследствие этого оказывается на полпути по направлению к философиям искусственного интеллекта. Такое сообщничество, которое однажды должно было бы предоставить большую гарантию того, что сущностью техники не является нечто техническое, было бы, однако, именно тем, что философия медиа должна была бы оспорить.

Слова могут быть счетными камнями (*Rechensteine*), потому что счетные камни занимали место в пространстве и в своей топологии оптимизированы в аспекте перемещаемости. Вычисления (*Kalküle*), которые уже с этимологической точки зрения восходят к тем же счетным камешкам (*Kalksteinchen*), предполагают, таким образом, имплементации, которые хотя и можно заменить другими имплементациями, однако невозможно проигнорировать. То же самое остается в силе для игральных костей, на каких основывается любое исчисление вероятностей, равно как и для известняка (*Kalkstein*), из которого изготовлены кремниевые функциональные схемы, выполняющие ключевую функцию в компьютерных принципиальных схемах. То, что они в равной степени способны опрокидываться, представляет

22. В качестве классического примера разработки *Windows NT*, ср.: Zachary G. P. Show Stopper! The Breakneck Race to Create Windows NT and the Next Generation at Microsoft. N.Y.; Toronto; Oxford; Singapore; Sydney: Free Press, 1994. P. 120–141.

23. Ср.: Heidegger M. La fin de la philosophie et la tâche de la pensée // Kierkegaard vivant Colloque organisé par l'Unesco à Paris du 21 au 23 avril 1964. P. : Gallimard, 1966. P. 178–181. Хайдеггер говорит даже (в словаре 1960-х годов) о кибернетике, но контекст не оставляет сомнений, что речь идет о вычислительных машинах.

собой материальную, однако неперемнную предпосылку. Лакан сколь давно, столь и точно констатировал: кибернетика и компьютерная техника своим «появлением в мире» обязаны тому, что бинарный счет стал функционировать «в Реальном и от любой субъективности вполне независимо»²⁴.

Поскольку это положение (вопреки всем мифам о начале компьютерной эпохи) позволяет выявить различия между двоичной системой у Лейбница и ламповой схемой у Эклза, а следовательно, между философией и техникой, постольку оно способно послужить путеводной нитью в рамках задачи сделать имплементации мыслимыми.

Однако нет и ничего более сложного. Сколь радушно смысл или дух философии вверял себя естественным языкам, столь беспрепятственно вверяет себя *software* философии формальным языкам, столь же трудным и неизведанным остается вопрос о техническом *hardware*. Он даже мог бы однажды стать невозможным в качестве вопроса, в случае если ныне существующая компьютерная техника оказалась погребенной под ее бесконечными *software*-иерархиями или замкнутой в них. Но только если он остается открытым, сохраняются виды на иные компьютерные архитектуры. Машина Тьюринга способна имитировать любую другую дискретную машину и, следовательно, на основании конвертируемости любого *software* также и быть ею²⁵. Однако это вовсе не значит, что она способна быть всем, что только возможно с математической и физической точек зрения. Так что многое еще предстоит осмыслить.

Media of Philosophy, Philosophy of Media

Friedrich Kittler (1943–2011). German scholar, media historian and electronic media theorist, for many years headed the Helmholtz Center for Cultural Techniques (HZK) at Humboldt University, Berlin.

Keywords: media philosophy; media history; media technical conditions of philosophy; books; Thomas Aquinas; Hegel; Turing machine.

Friedrich Kittler is referred to as the most authoritative and celebrated contemporary European media theorist. This article is devoted to the problem of the scientific status of the media. The author, who always questioned the independent character of this discipline, looks for a way to prove that it is just an inversion of those changeable media conditions that made it possible. Kittler fundamentally criti-

24. Лакан Ж. Указ. соч. С. 424.

25. См.: Haslacher B. Beyond the Turing Machine//The Universal Turing Machine. A Half-Century Survey/R. Herker (Hg.). Hamburg, B.: Kammerer & Unverzagt, 1988. S. 417–433.

cizes traditional philosophy for its lack of attention to the technical conditions from which it originates. He states that the general notion of philosophy is more likely to be a homonym, while we should speak of many media philosophies of different periods and civilizations. In this manner, he compares two famous philosophical works, the *Summa Theologica* by Thomas Aquinas, and the *Phenomenology of Spirit* by Hegel, showing the way that their “pure” philosophical statements, related to the understanding of truth and the very philosophical structure of texts, are derived from the media of the time, and, what’s more, this does not depend on how they understand themselves. Kittler gives a variety of examples from the history of religion, philosophy, science, and language studies, in order

to show how the history of writing, book-printing etc., makes philosophical knowledge change through the centuries. The question is not only about the genres and forms of philosophic texts, but also about their more essential features, such as their interpretative or mnemonic character. For example, he demonstrates how “Hegelian media technology had practiced the threefold literal sense of superseding (Aufheben), long before it was discovered in his philosophy.” The same logic may be seen in the way knowledge exists in the media conditions of the present day, in that it can be unconscious but “superseded.” In his view, this explains the great divide between media philosophy and the philosophy of the media themselves.

References

- Aquinas Th. *Summa theologiae*, I^a q. 1–49 cum commentariis Caietani, Rome, Editio Leonina, 1888.
- Blondel E. Les guillemets de Nietzsche: philologie et généalogie. *Nietzsche aujourd’hui. Tome II*, Paris, Editions Hermann, 1973, pp. 153–182.
- Coy W. *Aufbau und Arbeitsweise von Rechenanlagen*, Braunschweig-Wiesbaden, Vieweg+Teubner, 1992.
- Fichte J. G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt. *Sämmtliche Werke. Bd. VIII* (Hs. I. H. Fichte), Berlin Veit und Comp., 1845.
- Haslacher B. Beyond the Turing Machine. *The Universal Turing Machine. A Half-Century Survey* (Hg. R. Herker), Hamburg, Berlin, Kammerer & Unverzagt, 1988, pp. 417–433.
- Hegel G. W. F. *Fenomenologija dukha* [Die Phänomenologie des Geistes], Moscow, Nauka, 2000.
- Heidegger M. La fin de la philosophie et la tâche de la pensée. *Kierkegaard vivant Colloque organise par l’Unesco à Paris du 21 au 23 avril 1964*, Paris, Gallimard, 1966, pp. 178–181.
- Heidegger M. Vopros o tekhnike [Die Frage nach der Technik]. *Vremia i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1993.
- Illich I. *Im Weinberg des Textes. Als das Schriftbild der Moderne entstand*. Ein Kommentar zu Hugos Didascalicon, Frankfurt am Main, C. H. Beck, 1991, pp. 110–133.
- Intel486 Microprocessor Family Programmer’s Reference Journal*, Santa Clara, CA, Intel, 1992.
- Lacan J. Psichooanaliz i kibernetika, ili O prirode iazyka [Psychanalyse et cybernétique, ou de la nature du langage]. *Seminary. Kn. 2. “la” v teorii Freida i v tekhnike psichooanaliza (Seminar. Kn. II. 1954/55)* [Séminaires. Livre II. Le Moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse, 1954–1955], Moscow, Gnozis, Logos, 2009, pp. 417–436.
- Landgraf A. M. *Dogmengeschichte der Frühscholastik. T. I: Die Gnadenlehre*, Regensburg, Friedrich Pustet, 1952.
- Mainberger S. *Schriftskeptis: von Philosophen, Mönchen, Buchhaltern, Kaligraphen*, München, Wilhelm Fink, 1995.

- Pflüger J. Über die Verschiedenheit des maschinellen Sprachgebrauchs. *Computer als Medium* (Hg. N. Bolz, Fr. Kittler, Ch. Tholen), München, 1994, pp. 161–182.
- Rosenkranz K. *Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Leben*, Berlin, Duncker und Humblot, 1844.
- Turing A. The State of the Art. *Intelligence Service: Ausgewählte Schriften* (Hg. B. Dotzler, F. Kittler), Berlin, Brinkmann & Bose, 1986, pp. 183–207.
- Turing A. Über berechenbare Zahlen mit einer Anwendung auf das Entscheidungsproblem. *Intelligence Service: Ausgewählte Schriften* (Hg. B. Dotzler, F. Kittler), Berlin, Brinkmann & Bose, 1986, pp. 17–60.
- Zachary G. P. *Show Stopper! The Breakneck Race to Create Windows NT and the Next Generation at Microsoft*, New York, Toronto, Oxford, Singapore, Sydney, Free Press, 1994.